

ВЛАДИЛЕН ЕЛЕОНСКИЙ

Ван Тхо — сын партизана

ВОСПОМИНАНИЯ МОРСКОГО
ПЕХОТИНЦА США О ВЬЕТНАМСКОЙ
ВОЙНЕ

Владилен Елеонский

**Ван Тхо – сын партизана.
Воспоминания морского пехотинца
США о вьетнамской войне**

«Издательские решения»

Елеонский В.

Ван Тхо – сын партизана. Воспоминания морского пехотинца США о вьетнамской войне / В. Елеонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936526-2

Вьетнам. Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год. Разочаровавшись в семейных ценностях, тридцатилетний сержант спецназа США отправляется на войну и попадает в плен из-за козней десятилетнего вьетнамского мальчика, однако любовь, в которую он давно не верит, позволяет не только спастись, но и выполнить боевое задание.

ISBN 978-5-44-936526-2

© Елеонский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ван Тхо – сын партизана Воспоминания морского пехотинца США о вьетнамской войне

Владилен Елеонский

© Владилен Елеонский, 2018

ISBN 978-5-4493-6526-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Сейчас мне не хотелось бы рассуждать на тему о том, что было бы, если бы президент Кеннеди остался жив. Знаю точно лишь одно, – мне не пришлось бы пережить те ужасы, о которых по прошествии стольких лет я решил теперь рассказать. История не поднимается по олимпийским ступеням, она движется по узкой горной тропе кружным путем, и когда кажется, что никакого прогресса нет, вдруг из-за каменного выступа открывается вид, свидетельствующий, что прогресс, оказывается, состоялся, а мы думали, что бредем по кругу.

Конечно, пацифисты меня в задницу расцелуют, если я сочно распишу, какое это грязное дело – война, как омерзительно разлагалась американская армия во Вьетнаме и какие военные преступления совершала. А то, что правда страдает, потому как истина познается во взаимосвязи событий, а не их разделении с преувеличением одних в ущерб другим, их мало волнует.

Кто-то, не дойдя до поля боя, подрывается на mine и на всю жизнь остается калекой, а кто-то проходит сквозь ад войны без единой царапины. Рассказ и того, и другого, – правда, а где найти золотую середину, никто не знает, но это всего лишь полбеда.

Беда в том, что большая политика, словно флюгер по ветру (откуда этот проклятый ветер берется?), преувеличивает то одну правду, то другую, в зависимости, от того, какая из них приносит дивиденды. Золотая середина несмотря на свое название барышей не приносит, она словно замарашка среди крутых секс-бомб, и потому никому не интересна.

В январе шестьдесят девятого года едва я прибыл в Сайгон, как моей головной болью стал штаб-сержант Нудс, весь такой из себя правильный и до безобразия амбициозный. Он учился в Гарварде на юриста, однако оставил университет, вдруг осознав, что будет гораздо полезнее Соединенным Штатам Америки в другом месте. Парень сам честно признался себе, что юридическая специальность не для него, и как истинный патриот, решил, что его место во Вьетнаме. Родина ждет своих сыновей, поэтому хватит протирать джинсы на студенческой скамье, балуясь время от времени кокаином и пробуя в постели доступных девчонок-однокурсниц.

Вы когда-нибудь, где-нибудь видели подобного придурка? А мне довелось встретить его и не где-нибудь, а во Вьетнаме, где, как позже выяснилось, Соединенные Штаты не просто содержали базу для оказания военной помощи оппозиции, сражавшейся за американские доллары и с американским оружием в руках с коммунистическим режимом Хо Ши Мина, а были вовлечены в полномасштабную войну, пусть и не объявленную.

Сам я тоже отправился во Вьетнам добровольцем, но совсем по другим причинам. В один прекрасный день я вдруг решил, что засиделся инструктором-подрывником в учебном центре и совсем запутался в отношениях с женщинами, постоянно невпопад реагируя на взбалмошное поведение своих подруг.

Мне смертельно надоело их нытье, которое по какому-то странному совпадению почему-то всегда звучало в самый интересный момент в постели, а лунные перепады настроения и доходящая до смешного ревность вводили в ступор. Неожиданные слезы, причина которых, как правило, оставалась неизвестной (догадайся сам!), глупые детские шалости и капризы, – все это, в конце концов, было способно свести с ума. В общем, в мирной жизни релакс я не получил (может быть здесь скрывается причина всех войн?), мозги были загажены капитально, и я решил морально отдохнуть. Прежде чем попасть во Вьетнам, мне довелось побывать еще в нескольких горячих точках, и все, в общем, понравилось.

Дружище Нудс имел десяток боевых выходов в места, где вели активные боевые действия «чарли», – так мы называли хорошо экипированных партизан, которые получали помощь из Северного Вьетнама, однако официальный Ханой упорно отрицал этот общеизвестный факт. Уже в третьем боевом выходе Нудс возглавил взвод, поскольку лейтенанта Хиддингса

разорвало на куски вьетнамской самодельной миной, а нового командира не прислали, – в тот период офицерский корпус нес просто ужасающие потери.

К моменту моего прибытия от взвода Нудса остались рожки да ножки. Глядя на него, я все никак не мог понять, он притворяется или на самом деле такой идиот.

Полковник Макнамара, без единого седого волоса, крепкий и сухой, как трость, принял меня по-отечески, однако разговор был коротким.

– С подрывным делом сталкивался?

– Приходилось.

– Читал о твоих подвигах в личном деле. Годится!

Он назначил меня заместителем Нудса. Я отвечал за подготовку пополнения, которое только что прибыло из Филадельфии, – неплохие ребята, все как на подбор баскетбольного роста, но слабо приспособленные к полевым условиям и совершенно не готовые к тому, чтобы хотя бы на короткое время отказаться от тихих житейских радостей – ледяной Кока Колы, пухлого Биг Мака и горячей девчонки.

Поначалу я часто отпускал бедолаг в город, иначе учеба наша просто застопорилась бы, а моя задача состояла в том, чтобы общую военную подготовку, которую они получили в Филадельфии на трехмесячных курсах, трансформировать в навыки, которые требовались во вьетнамских джунглях. Я как сержант спецназа с пятилетним опытом проведения особых операций в индийских джунглях и кубинских горах в целом неплохо представлял, что требуется привить за четыре недели адаптации. Им предстояло противостоять не каким-то там бандам, а серьезной силе, и при этом следовало остаться в живых. Тем не менее, оказалось, что по своей наивности я не совсем точно предполагал, что на самом деле требуется, и старина Нудс, который, между прочим, был младше меня на целых пять лет, решил вправить мне мозги.

В один из тихих мартовских дней он пригласил меня на задний двор нашей уютной столовой, окруженной молодыми пальмами, куда по его приказу ребята приволокли симпатичного молодого барашка, и одним неуловимым движением перерезал ему горло. Несчастное животное билось в предсмертных конвульсиях у моих ног, а Нудс с усмешкой смотрел мне прямо в глаза.

– Понял, Хоткинс?.. Не морочь парням голову.

– В смысле?

– Надеюсь, тебе не надо объяснять, кто здесь в роли барана. Ребята отрываются в Сайгоне, это ты хорошо придумал, иначе они все равно ушли бы в самоволку, и ничего с этим не поделаешь. Больше отдыхать, Хоткинс, больше отдыхать, как бы глупо это ни звучало! А ты хочешь дать им оторваться, а после завинтить гайки, я знаю. Так не пойдет! Оставь их в покое и не перегружай своими дурацкими занятиями, иначе нас ждут одни сплошные неприятности.

– Неприятности нас, в самом деле, ждут, если мы решимся воевать с такой подготовкой.

– Ха! Ты воевать здесь собрался? Спешу тебя огорчить, Хоткинс. Сегодня командование посылает нас в бой, а завтра дипломаты садятся за стол переговоров, и все усилия армии летят коту под хвост. Нет, дружище, повоевать тебе здесь не придется. Бери пример с меня. Я просто люблю работу мясника, уловил? Наслаждаюсь, так сказать, процессом, и тебе советую. Выбрось всю свою дурь из башки, выбрось!

С того момента я всерьез стал подозревать, что у Нудса что-то не в порядке с головой. Он одним изящным движением вспорол барану живот и, деловито размотав внутренности, подвесил окровавленную тушу на ее собственных кишках к металлической балке. Фантазия у моего замечательного командира работала неплохо, однако явно не в том направлении. Ах, если бы я тогда знал, что меня ожидает впереди!

Процедуру заклания домашнего животного мне пришлось наблюдать воочию впервые в жизни, хотя к тому моменту я прожил, слава небесам, почти тридцать лет, видел гибель людей на войне и диких животных на охоте, однако вовсе не эта процедура впечатлила меня,

а стальной и как будто неживой взгляд Нудса. Общение с ним и его зловещие шуточки всерьез выводили из себя и нестерпимо скребли по костному мозгу.

Отдушину я находил в скромной коллекции американских и британских монет, которую всегда носил с собой на груди и неспешно перебирал и рассматривал в трудные минуты. Профили президентов и королей сосредоточенно смотрели куда-то вдаль, и тогда как-то само собой приходило понимание, что все преходяще.

– Первый пункт жизни гласит, – говорил я сам себе, – что не стоит расстраиваться по пустякам, а второй сообщает, что все в этом мире пустяки!

Несмотря на ежедневный аутотренинг перед сном, этот биоробот все-таки сумел крепко достать меня. В конце концов я не выдержал и послал его ко всем чертям.

– Что хочешь делай, штаб-сержант, так твою, только отныне я простой солдат, а не твой заместитель!

– Ха, а ты, оказывается, умеешь ругаться, Хоткинс! Занятно.

Разговаривать с ним было бесполезно, я спорил с погон свои сержантские нашивки, принес ему в комнату и швырнул так, что они, спланировав, едва не угодили ему в лицо.

– Все, с меня хватит!

В ответ я, естественно, ожидал увидеть вспышку гнева, только мне было все равно, однако Нудс к моему великому удивлению лишь горестно покачал головой. Опять этот ненормальный озадачил меня. Я по-прежнему совершенно не представлял, что от него можно ожидать.

Вечером он зашел ко мне в комнату, мое обмундирование висело на вешалке у кровати, а я лежал на койке в одних трусах под вентилятором и беззаботно листал цветной мужской журнал.

Командир молча снял с плечиков мой мундир, сел напротив, достал иголку с ниткой и, словно заботливая мама, старательно пришил мои лычки на место, да так, что наш армейский портной позавидовал бы.

– Из тебя вышла бы неплохая женщина, – сказал он, вешая мою форму на прежнее место. – Ты еще не знаешь, во что вляпался, Хоткинс, вот в чем твоя главная проблема!

Не знаю почему, но именно в тот момент мне показалось, что пребывание во Вьетнаме добром для него не закончится, и я оказался прав, однако все следует рассказать по порядку.

Глава первая

Скоро адаптация закончилась, и наступил апрель, который я запомнил на всю жизнь. Полковник Макнамара дал нам первое задание. Для меня и всего нашего вновь сформированного взвода оно оказалось первым и последним.

Нас высадили с вертолета на какой-то безымянной высоте, и мы оцепили квадрат близ болот Хо, чтобы эвакуировать сержанта-сапера Джеральда Хоупа. Оказалось, что я знал этого парня лично, года два назад мы встречались с ним по службе в горах Пакистана.

Как сообщил полковник, Хоуп должен был заминировать Крысиные норы – достаточно крупную подземную базу вьетконговцев, которая как заноза располагалась где-то на границе с Камбоджей и наряду с другими такими приграничными базами обеспечивала бесперебойное функционирование тропы Хо Ши Мина, по которой, как я говорил, партизаны получали все необходимое из Северного Вьетнама – от оружия, лекарств и продовольствия до пополнения личным составом.

Конечно, Крысиным норам, которые должен был уничтожить Хоуп, было далеко до Ку Чи, которые рыли еще в пятидесятые годы в пригороде Сайгона [только недавно я узнал, что в тоннелях Ку Чи общей протяженностью около двухсот миль постоянно находились шестнадцать тысяч человек, это был настоящий подземный город со своими госпиталями, родильными отделениями, клубами, кинозалами и казармами]. Тем не менее, Крысиные норы позволяли действовать достаточно крупным партизанскими силами, входили в зону ответственности нашей дивизии, и именно этот воспаленный аппендицит в животе нашего соединения следовало вырезать как можно скорее, поскольку только таким образом можно было спасти жизни наших солдат и мирных жителей.

Сутки мы прождали в условленном месте, однако Хоуп не появился и на связь не вышел. Надо было срочно убираться из этого во всех отношениях отвратительного места, чтобы организовать крупномасштабную операцию по спасению сержанта, выяснить, успел ли он заложить взрывчатку в Крысиные норы и так далее, а с нашими силами там нечего было ловить, однако бродяга Нудс закусил удила, и все самые худшие мои подозрения по поводу причин тех потерь, которые до этого нес его взвод, начали вдруг оправдываться.

Этот фанатик искал малейший повод, чтобы затеять что-нибудь жуткое и кровавое. Все мои доводы разбивались как волны об утес о тупую непоколебимость этого сумасшедшего ублюдка.

– Да брось ты, Хоткинс! Мы не можем оставить в опасности американского гражданина, и если хоть один волос упал с его головы, желтые у нас попляшут, это я тебе обещаю.

Желтыми он называл вьетнамских жителей, и складывалось впечатление, что подсознательно он как раз и желал, чтобы с Хоупом приключилась какая-нибудь ужасная беда, вот тогда у Нудса начнется настоящая жизнь.

– Полковник не одобрит твое решение.

– Ха!.. К сожалению, я не могу его спросить. У рации отсырел аккумулятор. Проклятое вьетнамское болото!

Я был почти уверен, что этот ненормальный специально окунул рацию в болотную жижу, чтобы развязать себе руки. Тем не менее, сделать я ничего не мог, по уставу следовало выполнять приказы командира.

Вертушка улетела сразу после нашей высадки, чтобы не выдать противнику наше местоположение, и ждала нашего условного сигнала на базе, однако проклятый Нудс не собирался его подавать. Я достал карту, чтобы обсудить план действий, но он не стал меня слушать. Как видно, у него был простой как шило свой план, посвящать в который меня он решительно не желал.

– Тебе сейчас, Хоткинс, следует знать одно – у него на левом запястье вытатуирован треугольник в круге, а самое ценное, что есть при нем, это заплечный ранец со сверхмощной взрывчаткой, он весит около ста фунтов.

Мы преодолели вязкое болото, шепча Нудсу в спину отборные ругательства, но он не обращал на наше недовольство ни малейшего внимания, как будто оглох. Наверное, не сосчитать, сколько раз я представлял, как приставляю дуло своего «кольта» к его жирному стриженному затылку, нажимаю на спуск и с наслаждением вижу, как его голова с брызгами, словно переспевший арбуз, разлетается в стороны. Почему-то в моих видениях она разлеталась в стороны именно так, – как перезревший арбуз.

Наконец, топь осталась далеко в стороне, мы вышли на рисовое поле, за которым, если судить по карте, должна была располагаться вьетнамская деревня, однако она оказалась покинутой жителями.

Нудс встал на колени, принялся словно голодный койот, почувывший добычу, и разгреб пальцами присыпанный землей очаг. Угли были еще горячими.

– Их кто-то предупредил!

Мы прочесали хжины, но не нашли никого, кроме злобной собачонки, вцепившейся Нудсу в ботинок, и он пристрелил ее. На тонкой шее у всклокоченного крохотного, однако чрезвычайно агрессивного вьетнамского песика болталась какая-то цепочка. Нудс не обратил на нее никакого внимания, как видно решив, что это обычный жетон, указывающий, что у собаки есть хозяин, а я наклонился и потянул цепочку на себя.

Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили, что эта латунная пластинка на шее собаки на самом деле является опознавательным жетоном бойца американского спецназа, на котором было выдавлено следующее:

Gerald Hope [имя и фамилия]
735-728-05 [регистрационный номер]
I positive [группа крови и резус]
Catholic [вероисповедание]

Все было понятно. Тем не менее, Нудс достал ориентировку на Хоупа из планшета, сверил номер и обалдело уставился мне в глаза. Все-таки интересный он был малый! Таких надо еще поискать.

Своим крючковатым носом, ледяным взглядом и тонкими губами, больше напоминавшими зловеще изогнутые сиреневые ниточки, особенно когда он злился, этот парень явно походил на вампира из древнего австрийского замка, однако бывали минуты, когда совершенно неожиданно он превращался в растерянного трехлетнего мальчугана, ненароком расстроившего свою любимую бабушку. Медная пластинка, болтавшаяся на теле убитой собаки, оказалась личным опознавательным жетоном того самого Джеральда Хоупа, которого мы разыскивали.

В следующую минуту Нудс буквально побелел от злости и приказал сжечь деревню. Я попытался объяснить ему на пальцах, что с местным населением следует устанавливать доверительные отношения, а не злить его, иначе мы никого не найдем, однако наш правильный Нудс послал меня ко всем чертям.

– Ты не знаешь местную специфику, Хоткинс, а я знаю. Здесь пятилетние пацаны вскидывают винтовку и стреляют тебе в спину. Так что лучше не зли меня!

Скотина!.. В тот момент я с большим трудом подавил в себе желание убить этого головореза на месте, и покончить, наконец, со всем этим безумием, в которое он нас вверг. Каким наивным я был тогда!

Безумие нашего командира еще только начиналось. Лицо мое осталось бесстрастным, я был уверен в этом на все сто процентов, однако рука предательски дернулась к кобуре с «кольтом».

Нудс мгновенно уловил мое непроизвольное движение и хищно осклабился.

– Давай, давай, сержант! Наверное, из тебя вышел бы неплохой хирург, однако сейчас хирургическое вмешательство не возымеет должного эффекта. Только я один знаю условный сигнал в эфир, по которому можно вызвать вертолет, и если ты вырежешь меня из своей жизни как тот гнойный чирей, который вчера я видел у тебя на заднице, когда ты испражнялся, вы все останетесь в гостях у желтолицых. Полагаю, это будет приятное времяпровождение, но все-таки не уверен, что ты с ребятами на самом деле мечтаешь о нем. Ты, кажется, успел увидеть, как снимают кожу с барана?..

– А аккумуляторы?

– Аккумуляторы целы, и рация в полном порядке. Мне просто надо было что-то придумать, чтобы оторвать от земли ваши толстые задницы!

Где это он, интересно, увидел толстые задницы? Если так дальше пойдет, скоро мы все превратимся в ходячие изможденные тени от скелетов. Без всякого преувеличения мне захотелось вцепиться в его белую и пухлую как у девушки шею, чтобы перегрызть зубами его проклятую сонную артерию.

Заметив, как заходили ходуном мои челюсти, Нудс разразился диким хохотом.

– Брось, Хоткинс, это не твое амплуа! Роль вампира – моя прерогатива.

Это было просто невозможно терпеть, и я не стерпел бы, но в этот момент ребята подошли хижины, все вокруг заволкло едким дымом, и мне стало не до Нудса. Следовало быстрее уносить ноги, что мы и сделали через минуту, однако бдение в засаде ни к чему не привело, – ни одна вьетнамская душа не явилась на пепелище.

Солнце давно село, и мы поднялись на какую-то скалу, серевшую в сумерках. Ее вершина была подходящей, и нам пришлось провести там ночь, впрочем, она оказалась восхитительной.

Это была моя первая ночь во вьетнамских джунглях. Звезды мирно висели в небе как нью-йоркские фонарики на Рождество, теплый ласковый сквознячок служил одеялом, однако несмотря на умиротворяющую обстановку меня не покидало странное чувство. По опыту я знал, что такое чувство неизменно подступало к моему сердцу, если кто-то тайно наблюдал за мной со стороны.

Ранним утром Нудс отсек голову змее, забравшейся в ранец с рацией, после того, как радист, молодой крепкий парень, кровь с молоком, едва не упал в обморок, увидев среди своих вещей две пытливые блестящие бусинки. Змея оказалась совершенно безвредной, это был местный уж или может быть полоз. Он забрался в ранец, почуяв запах консервированного молока, которое просочилось из фляги, так как наш уважаемый радист по невнимательности или от усталости плохо завинтил пробку. Уж прельстился на сладкое и лишился головы.

Предыдущий день вымотал нас, поэтому неудивительно, что мы снова заснули, и проснулись лишь тогда, когда солнце стало припекать наши стриженные затылки. Точнее сказать, первым проснулся я, наш часовой естественно спал без задних ног, и если бы вьетконговцам вдруг вздумалось напасть на нас, они взяли бы нас милыми и пушистыми.

Настроение было хуже некуда. Мне приснился нехороший сон, и он все никак не выходил у меня из головы.

Я, совершенно голый, иду по многолюдным улицам Сайгона, кругом одни вьетнамцы. Мужчины недобро скалятся в мою сторону, старухи осуждающе качают головами, зрелые женщины заметно напрягаются, молоденькие девушки прыскают со смеху, краснеют, но продолжают пялиться в то место ниже пуза, которое так сильно отличается от того, что есть в том же месте у них. А я с широкой доброй улыбкой пытаюсь заговорить, что-то объяснить, доказать, убедить, однако все бесполезно, меня никто не слушает, мои слова просто сотрясают воздух,

вот и все. Противное это ощущение, когда ты хочешь идти, а натыкаешься лбом на стену. Я говорил им, что, вы, мол, не смотрите, что я голый, вы послушайте, что я говорю, это главное, однако в ответ все либо поспешно отворачивались, либо язвительно хихикали, либо продолжали пялиться в мои срамные места. Дались они им!

Вот такой сон испортил настроение прямо с утра. Мне почему-то показалось, что он не сулит ничего хорошего.

Подойдя к краю скалистого склона, я удивился. Оказывается, отсюда открывался величественный вид на окрестности, а сожженная нами деревня лежала внизу как на ладони.

Неожиданно в свете солнечного дня я различил на пепелище тонкую миниатюрную фигурку. Вначале мне показалось, что там сидит и молится вьетнамская девушка, однако приглядевшись, понял, что это вьетнамский мальчуган лет десяти, не больше. Он сидел на коленях и нянчил на руках, как младенца, убитую Нудсом собачонку. Я подхватил свой бинокль и, скрывшись в тени зазубренной вершины, чтобы меня снизу не было видно, внимательно рассматривал его.

Лицо грубоватое, словно выточенное из пагодита, и наполовину скрытое нонлой – вьетнамской конической соломенной шляпой. Сработанные из хлопка коричневая рубашка с длинным рукавом и светлые штаны дополняли наряд. Ноги у него были, кажется, босы. Сев на колени, он склонился над телом собачки так, словно оплакивал своего самого близкого друга или дорогого родственника.

Сзади бесшумно подошел Нудс, и я вздрогнул от его хриплого баса, неожиданно раздавшегося над самым ухом.

– А вот и первая вьетнамская ласточка, Хоткинс! Возьмем его и выясним, как на шее его собаки оказался жетон солдата американской армии.

– После того, что мы сделали с его собачкой и родной деревней, вряд ли он горит желанием что-либо нам рассказать.

Нудс отмахнулся от меня как от назойливой мухи, сунул в рот окурок сигары и поднес к нему бледный огонек холодно клацнувшей зажигалки.

– Вечно ты все усложняешь! Мне щенок мигом все расскажет. Будет щебетать как местная лесная птица на заре!

Нудс неприятно захихикал, вновь пробуждая во мне зверя. Мне захотелось сбросить его вниз на острые камни.

Однако мало ли чего мне хотелось. Я прекрасно понимал, что никогда не сделаю ничего подобного, и придется терпеть, причем, судя по всему, еще очень долго.

С некоторых пор я стал подозревать, что Нудс специально провоцировал меня, словно забавлялся. Как видно, будить во мне самые что ни на есть мерзкие чувства доставляло ему несказанное наслаждение, и он с нескрываемым удовольствием наблюдал за тем, как я борюсь с самим собой, преодолевая желание разmozжить ему череп чем-нибудь тяжелым или пройтись барабанную перепонку шомполом винтовки, потому что что-либо доказывать или объяснять этому выродку было совершенно бесполезно.

После того, как ребята скрытно оцепили пепелище, мы с Нудсом, не таясь, подошли к мальчику, однако он как будто нас не замечал. Прикрыв глаза, мальчуган все еще сидел на коленях и едва заметно раскачивался из стороны в сторону, словно пребывал в молитвенном трансe или погрузился в болезненную дрему.

Нудс как всегда был предельно вежлив.

– Эй, чурка вьетнамская, разуй свои желтые глаза, и смотри, кто с тобой разговаривает!

Мальчик продолжал сидеть как истукан, словно оглох. Нудс побелел, что не предвещало ничего хорошего. Он схватил парнишку за ухо, в ответ мальчуган с неожиданным проворством укусил его за кисть и выхватил «кольт» из его кобуры.

Оглушительно грохнул выстрел. Нудс завалился набок как подкошенный.

Я сбил пацаненка с ног, и он не успел снова выстрелить, на этот раз в меня. Тяжелый пистолет вылетел из его тонкой и до невозможности худой ручонки. Я кинулся к нему, чтобы схватить за шею и прижать к земле, однако он неожиданно бросил мне прямо в глаза горсть зернистой пыльной золы, и я на секунду ослеп, а когда вновь обрел способность видеть, пацана след простыл.

– Он исчез в развалинах вон той хижины, сэр! – сказали мне подбежавшие бойцы. – Мы не стреляли, потому что боялись вас задеть.

Я ринулся в развалины с пистолетом наперевес, однако никого внутри не обнаружил. Пацан словно сквозь землю провалился.

Наш медик перебинтовал Нудса. Рана оказалась не опасной. Пуля прошла навывлет сквозь жирный бок, не задев ни одного жизненно важного органа.

Едва придя в себя, командир разразился грязными ругательствами. В это невозможно было поверить, но, тем не менее, он с пеной у рта, нисколько не стесняясь, обвинял меня в том, что я прохлопал мальчишку!

Нудс продолжал мастерски будить во мне все самое плохое. Вся его правильность потекла наружу подобно вонючей жиже из вышедшей из строя канализации.

Чтобы не слышать его бесноватых воплей, я удалился в развалины, – жалкий почерневший от сажи остов сгоревшей хижины, – и тщательно обследовал их. Мое внимание привлек аляповато сделанный каменный очаг.

Минуты осмотра оказалось достаточно, чтобы понять, что этот странно сработанный очаг в центре хижины является бутафорским, и в действительности маскирует тайный лаз. Я влез в подземелье, однако застрял, настолько тесным оказался проход, и ребята с трудом вытащили меня обратно.

– Проклятые крысиные норы! – сказал Нудс и бросил в лаз связку гранат, у нас был приличный запас.

Взрыв образовал на месте развалин воронку, мы долго копались в ней, однако лаз по-прежнему больше напоминал лисью нору, чем проход для людей, и мы снова остались ни с чем.

Глава вторая

Зря мы надеялись, что ранение образумит нашего неумного командира. Он приказал вырезать для него палку из фиги, – того самого дерева, под которым когда-то нашли убежище изгнанные из рая несчастные Адам и Ева, – и, опираясь на нее, скособоченный и злой, двинулся дальше.

– Желтые спляшут нам рок-н-ролл, обещаю!

Вот и все, что мы от него слышали в тот кошмарный день. Ах, если бы можно было отмотать время назад, тогда бы я ни за что на свете не остался под командованием этого придурковатого негодяя и перевелся бы в другое подразделение, едва прибыв в Сайгон.

Куда он нас повел, было известно лишь одному ветру. Скоро мне стало казаться, что он бредет просто так, лишь бы куда-то брести.

К вечеру мы вышли на какое-то крохотное рисовое поле, на котором трудился, согнувшись в три погибели, сухой коричневый старичок, больше похожий на мальчугана, внезапно состарившегося в свои неполные двенадцать лет.

Он приветливо улыбался нам, кланялся непрерывно и даже мог связать в предложение парочку английских слов. Внимательно посмотрев на Нудса, он сказал, что ему очень не нравится лицо нашего командира. Старик имел в виду его цвет.

Он отсыпал из своего цветастого мешочка в ладонь Нудса горсть сухой измельченной травы и наказал положить ее на горячую влажную тряпицу, а тряпицу прикрепить на ночь к ране и так проспать до утра.

– Сон лесит, да, да, сон лесит, и моя трава, однако, тосе лесит.

– А гашиша у тебя нет? – скривившись, сказал Нудс.

– Нет, однако, гасиса нет, дурная трава, нехоросая, убивает ум.

– Врешь, желтая морда! Никогда не поверю, что в этих болотах можно прожить без гашиша. Где мальчик?

– Какой мальсик?

– Шустрый! Из соседней деревни. У него есть собачонка, забавная такая, лохматая, маленькая, и бросается на чужих, словно тигр.

– Не снаю, не снаю сдесь никаких мальсиков!

Старик продолжал кланяться и непрерывно твердил Нудсу, что если он не будет лечить свою рану его травой, она загноится и заразит кровь. Так продолжалось довольно долго.

Затем Нудс принялся долбить старика вопросами, а старик в ответ только отрицательно качал головой и твердил, что рана у Нудса очень нехорошая, а мальчика он не видел, и никто ему о нем не рассказывал. О партизанах ничего не слышал, рис, да, рис, вот его главная забота, он целыми днями торчит на поле, а урожай маленький, и бывает, что кроме травы совсем нечего есть, рис – его спасение, и ничего такого, что могло бы заинтересовать уважаемых американских солдат, он не знает.

Солнце скрылось за верхушками деревьев, пора было снова думать о ночлеге, мы все озябли, стоя по колено в воде, и всем, кроме Нудса, вся эта канитель порядком надоела. Наконец, он оставил старика в покое, и мы двинулись дальше, ища какой-нибудь продуваемый взгорок, где огромные как лошади комары не так досаждали бы нам.

Когда мы вновь углубились в лесные заросли, Нудс вдруг остановился и отправил одного из бойцов проследить за стариком. Вскоре тот вернулся и сообщил, что старик спрятал свою мотыгу и чуть ли не бегом поспешил куда-то.

– Наверное, к своей старухе.

– К старухе? – Глаза Нудса налились кровью как у быка на испанской корриде. – Остолоп! Ты посмотри на карту, здесь в радиусе семи миль нет ни одной деревни.

Нудс приказал снайперу взять винтовку с оптическим прицелом, забраться на дерево и застрелить старика.

– Я не буду этого делать, сэр.

Таков был неожиданный ответ. Нашего командира едва кондрашка нехватила.

– Почему?

– Я – ортодоксальный христианин, и совесть запрещает мне убивать мирных жителей.

Нудс побелел и сжал свои огромные кулаки так, что громко хрустнули суставы.

– Где это, интересно, твоя христианская совесть увидела здесь мирных жителей? Старик наверняка связной, и если сейчас он сообщит партизанам, где мы находимся, тебе придется молить твоего ортодоксального бога, чтобы «чарли» одним махом перерезали твое красивое горло вместо того, чтобы со вкусом неспешно насаживать тебя на кол, медленно выпуская твои правверные кишки на землю, чтобы ты вначале сошел с ума, и только потом, наконец, сдох!

Снайпер весь побагровел от переживаний, однако упорно стоял на своем, – стрелять в спину безоружного мирного жителя он не будет. Нудс буквально вырвал винтовку у него из рук и, бормоча отборные ругательства и невзирая на рану, сам полез на дерево.

– Ты думаешь, так твою, что если я сделаю за тебя твою работу, то твой бог ниспошлет на тебя благодать? Как бы не так. Вместе будем гореть в аду!

В следующую минуту раздался выстрел. Нудс спустился на землю и вдруг, стиснув зубы, приставил дуло винтовки к виску снайпера.

– Я снес старику его гнилую тыкву, а теперь к чертям собачьим снесу твою!..

Курок был взведен, и Нудс, кажется, не шутил, однако в следующий миг он пошатнулся и упал бы, если бы я не поддержал его. После лазания по грубым извилистым ветвям его рана стала сильно кровоточить, и он едва не потерял сознание.

Искать какой-нибудь взгорок, как мы делали в прошлую ночь, было поздно, сгущались сумерки, и на небе зажглись первые звезды. Я заметил на краю рисового поля старые покосившиеся бамбуковые щиты, наверное, когда-то они защищали рис от диких кабанов, а теперь во многих местах сгнили, образовав обширные прорехи. Я приказал отодрать щиты от столбов и разместить их в кронах низкорослых раскидистых деревьев, которых в этих зарослях было предостаточно, и закрепить края щитов лианами.

Когда все было готово, мы поднялись на щиты, оказавшись в относительной безопасности. По крайней мере, диким хищникам нас стало гораздо сложнее достать, а что касается зверей двуногих, здесь главное было услышать их издали, самим издавая как можно меньше шума.

Нудса стала бить страшная лихорадка, и я неотлучно сидел рядом с ним.

– Проклятый старик! – непрерывно шептал он. – Это он накаркал беду.

Затем он стал бредить, время от времени выкрикивая какие-то бессмысленные фразы, и я, чувствуя, что дело плохо, сделал ему компресс из той самой травы, которую дал старик. Эту горсть Нудс небрежно сунул мне, хорошо, что не выбросил, а я ее сберег.

Всю ночь я, не смыкая глаз, наблюдал за состоянием командира. Под утро бред закончился, он уснул, и я тоже провалился в забытье, не уснул, а именно провалился.

Спал я настолько крепко, что не заметил, как поднялось солнце. Меня разбудил Нудс. Он выглядел сильно осунувшимся и изможденным, глаза сухо блестели, однако температуры не было, и приступы лихорадки оставили его совершенно.

– Слабость прошла, Хоткинс, и голова совсем ясная, как в детстве. Неужели проклятая стариковская трава спасла мне жизнь? Никогда не поверю!

– Зря ты его убил.

– Зря?.. У нас, между прочим, господин пацифист, пропала снайперская винтовка.

– Как пропала?

– Снайпер лег с ней как с любимой девушкой, а утром обнаружил, что девушка ушла.

– Куда она могла уйти?

– Я приказал обыскать старика, он лежал готовый без своей глупой башки на дальнем конце своего поля, ребята пошли туда, однако ни головы, ни тела нигде не обнаружили. У меня такое ощущение, что за нами следят. По крайней мере старик точно следил. Ребята обнаружили что-то вроде большого плетеного тайника с мотыгами и еще какой-то ерундой, он был прикрыт сухим тростником на краю его поля.

– Зачем тайно хранить мотыги?

– Среди мотыг и прочего хлама они нашли вот что.

Нудс показал мне бинокль радиста. Это была превосходная швейцарская оптика с германскими цейсовскими стеклами. Я с удивлением уставился на неожиданную находку.

– Чего застыл как истукан? Вот тебе и зря! Нет, Хоткинс, не зря. Проклятый старик, седой вьетнамский лис, ночью пробрался к нам, забрал бинокль из ранца радиста и пустил ему в вещи ужа, которого по пути поймал на своем поле, здесь их, оказывается, просто уйма. Впервые в жизни увидев живую змею, наш милый парень надолго утратил способность улыбаться и напроочь забыл о том, что у него вообще был бинокль. Вспомнил только тогда, когда ребята показали ему свою находку. Все это время старикан наблюдал за нами в наш бинокль!

Я, наконец, очнулся от утренней дремы. Состояние было такое, словно мне удалось с трудом вынырнуть из воды.

– Так что выходит – мы в западне? Кстати, я давно предупреждал тебя, но ты словно оглох! Как можно без поддержки с воздуха и без связи затевать что-то?! Брось играть с огнем, пока не поздно!

– Нет, это ты брось, Хоткинс! Рана все-таки продолжает ныть, эта боль не дает мне думать, и что-то мне подсказывает, что долго я не протяну, несмотря на временное улучшение. Вот почему теперь я тебе все скажу.

– Я не совсем понимаю.

– В действительности я выполняю задание полковника.

– Как так?

– А вот так! Джеральд Хоуп был не один, а с напарником. Они вдвоем должны были взорвать Крысиные норы, – крупную подземную многоуровневую базу вьетконговцев, по сути бункер, устроенный в земле без единого грамма цемента. Они, как ты знаешь, живут там, словно в подземном городе, у них приличный запас оружия, боеприпасов, медикаментов и продовольствия, мощные средства радиосвязи. Что-то у Хоупа не срослось, и вряд ли мы найдем его живым, если вообще найдем. Тем не менее, полковник приказал мне найти его, это очень важно.

– А если мы не найдем?

– Найдем мы его или не найдем, у меня приказ – Крысиные норы должны быть взорваны. В целях секретности, чтобы нас не засекли «чарли», в эфир мы выйдем только после выполнения задания, тогда полковник пришлет за нами вертолет. У вьетконговцев есть наши трофейные радиостанции, они знают нашу волну и могут легко засечь наши переговоры в эфире, а нам следует подобраться к Крысиным норам скрытно. Надеюсь, это понятно?

– А если Хоуп жив и находится в плену у вьетконговцев в Крысиных норах?

– Если, если, чего заладил, не будь бабой, Хоткинс, мы, между прочим, все здесь висим на волоске!

– Как можно пробраться в эти проклятые норы? Есть схема, план, описание? Где они расположены, шут их подери, как устроены?!

– Развалины древнего буддистского храма.

– Причем здесь развалины? Поясни толком!

– Там оборудован тайный вход.

– Покажи на карте!

– Вот, смотри сюда, квадрат «А5». Я намеренно сжег деревню и убил старика, тем самым показал им наше местонахождение и наш маршрут. Если судить по тем следам, которые я умышленно оставил, получается, что движемся мы на юго-запад, в горы, то есть далеко в сторону от Крысиных нор и развалин храма.

– Теперь нам следует развернуться?

– Да, на сто восемьдесят градусов. Мы скрытно проберемся через эту зеленку, видишь, вот она, затем вот отсюда подойдем к болотам Хо, а дальше к развалинам храма.

– Высота двести десять!

– Именно.

– Есть какой-то ориентир?

– Полуразвалившееся крыльцо со скульптурами драконов.

– И все?

– Под крыльцом замаскирован вход в подземелье, там мы найдем подземный ход, – один из тех многочисленных ходов, которые ведут в Крысиные норы. Именно это удалось выяснить Хоупу. Нам следует углубиться в этот подземный филиал вьетнамского коммунистического рая, заложить взрывчатку, выйти обратно на поверхность, привести взрывное устройство в действие и вызвать нашу вертушку условным сигналом.

– Позывной?

– Джерри.

– Пароль?

– Орлы гибнут в вышине.

– Что-то не нравится мне все это. Необходимо все тщательно проверить. Требуется разведка!

– Нет у нас времени на разведку. Ты лучше запомни позывной и пароль! Сообщаю тебе эти совершенно секретные сведения, потому что рана крепко беспокоит, да и вообще, в случае моей гибели выполнение задания ляжет на тебя. Это приказ полковника, и помни, что бы ни случилось, твой позывной и пароль должны остаться в тайне, не дай бог, «чарли» их узнают! Ты на самом деле все понял и запомнил или делаешь вид?

– Зря ты морочил мне голову. Сказал бы все сразу! Знаешь, какими словами я тебя поносил?

– Знаю, но не мог сразу сказать, таков был приказ полковника, дай бог ему доброго здоровья!

Я не буду подробно рассказывать, что мы пережили, пробираясь через проклятые и почти непролазные джунгли обратно к болотам. Скажу лишь, что нашего медика укусила бамбуковая гадюка, он неосторожно наступил на ее гнездо с яйцами, и большую часть пути мы несли его на руках, соорудив самодельные носилки. Сильно досаждали комары и особенно пиявки, о, иногда казалось, что эти твари упрямо лезут во все отверстия наших нежных американских тел! А еще мы изнывали от жажды, потому что наш запас воды иссякал, и мы ее жестко экономили.

В довершение ко всему снайпер наступил на вьетнамскую ловушку, его нога попала в замаскированную травой щель между двумя барабанами, утыканными длинными и острыми как шило гвоздями, и до самого бедра превратилась в фарш. Невозможно было слушать его рыдания, он успокоился лишь после того, как мы по совету как раз в этот момент пришедшего в сознание медика вкололи ему лошадиную дозу первитина.

Глава третья

Ужасный переход длился сутки. Он до сих пор часто мне снится, и я просыпаюсь в холодном поту, когда во сне снова переживаю те муки, думая, что все происходит наяву.

Когда на рассвете мы вышли к развалинам буддистского храма, то вдруг обнаружили, что медик и снайпер давно скончались. Они отошли так тихо и незаметно, что все и подумать не могли, что они мертвы, напротив, все решили, что им стало лучше, и они, наконец, погрузились в сон, который исцеляет. В действительности они, отмучившись, погрузились в вечный сон.

Вместе с одним из солдат мы пошли к развалинам подыскать какой-нибудь камень, который смог бы послужить надгробной плитой, и на высоком совершенно высохшем дереве обнаружили свисающий вниз странный мешок. Подойдя ближе мы с ужасом поняли, что не мешок это вовсе, а густо облепленное мухами человеческое тело. Живот был вспорот, и оно раскачивалось на ветру, обмотанное собственными кишками, прицепленными к суку.

Пока солдат, переваривая увиденное, тонко икал и бурно блевал в кустах, словно выпускница колледжа, переборщившая с шампанским на вечеринке после успешной сдачи экзаменов, мы с другим солдатом сняли тело и, зажимая носы платками, бегло осмотрели его. Несомненно, перед нами лежали останки американского солдата, и убили его проклятые «чарли», это был их почерк.

Примечательно, что рот трупа был до отказа забит мелко нарезанной вермишелью. Что это такое – новая вьетнамская пытка или какой-то знак, было совершенно непонятно.

– Это напарник Хоупа, – сказал Нудс, сверив с ориентировкой номер, выбитый на жетоне, который я снял с трупа. – Приказываю немедленно обыскать каждый дюйм, возможно, тело Хоупа тоже болтается на суку неподалеку.

Однако тщательные поиски ничего нового не принесли. Мы не обнаружили никаких сколько-нибудь значимых следов.

– А тебе не кажется странным, – сказал я Нудсу, – что они подвесили тело в том самом месте, где болотная тропа выходит к храму? Между прочим, кроме этой тропинки, здесь, кажется, нет больше никаких троп.

– Что здесь странного, Хоткинс, дурья твоя башка? Это ты, похоже, какой-то странный. Где перехватили, там кишки выпустили, затем тут же повесили, неужели непонятно?

– Они как будто предупреждают, что не надо соваться в развалины храма и искать вход в Крысиные норы.

– Это в каком бреде у тебя родилась такая мысль? Скажи, почему тебе даже не снятся сладкие голые женщины? Молчишь? А я скажу. Это все потому, Хоткинс, что ты страшный зануда. Так тебя никакая баба не полюбит, даже во сне!

Спорить с ним было бесполезно, он, конечно, знал все наперед и гораздо лучше меня. Мы похоронили ребят в братской могиле, а вместо могильной плиты водрузили одну из тех глыб, которые валялись поблизости в изобилии, наводя на мысль, что в свое время древнему храму крепко досталось от землетрясения.

А дальше нас ожидало сплошное разочарование. Никаких скульптурных драконов мы не нашли. Львы были, еще были змеи какие-то, очень толстые и упитанные, словно они только что от души наглоотались жирных кроликов, а драконов не было.

– Наверное, следует местных жителей пригласить, они-то знают.

– Да какие местные жители, Хоткинс? – с досадой сказал в ответ Нудс. – Здесь в радиусе двенадцати миль одни горы, болота и озера. Ты карту внимательно изучал?

– Небольшое селение в несколько хижин могут быть не обозначены на карте.

– Хорошо, ступай на болота и приведи мне хоть одного желтозадного ублюдка. Смотри, какую-нибудь гадюку в штаны не поймай!

Сказано это было с уничижительным сарказмом, ребята захихикали у меня за спиной. Я, окаменев лицом, надел каску, взял штурмовую винтовку М-16 и двинулся в сторону болот.

Вскоре дорогу мне преградили плотные заросли колючек, они были с меня ростом, и одним краем примыкали к самому цоколю развалин, а другого края и видно-то не было, так широко они разрослись. Чтобы не обходить их, на это потребовалось бы слишком много времени, я пошел по каменному уступу, который был устроен над цоколем. Оказалось, что один из камней едва держался, он мигом выскочил из паза, как только мой ботинок ступил на него. Я потерял равновесие и рухнул вниз в самую гущу колючих зарослей под дикое ржание моих боевых товарищей.

– Не ушибся, Хоткинс?

Этот разъедающий мозг тон пронял меня до самых печенок. Нудс, в самом деле, умел доводить людей до белого каления, а недовольство, которое проявлялось в ответ, парировал своей любимой фразой:

– А ты не заводись! Кем себя возомнил? Супермен хренов!

Выяснилось, что в этом месте колючки дотягивались до стен храма лишь своими вершинами, поэтому под ними оставалось обширное пустое пространство. Я провалился туда сквозь противные цепкие ветки, сильно поцарапавшись, и упал на какой-то гладкий покатый камень, который смягчил падение, поэтому мне повезло, – я, можно сказать, почти не ушибся.

Через некоторое время мои глаза привыкли к полумраку. Внезапно я различил, что нахожусь наверху полуразрушенного крыльца и к тому же сижу на спине дракона!

– Иногда тебе везет, Хоткинс, – сказал Нудс, когда мы забрались с ним в искомое подземелье, а ребята тяжело задыхались нам в спину, – только ты не задавайся. Фортуна – дама с приветом. Ты останешься здесь вместе с радистом, а я с ребятами пойду дальше, примерная схема Крысиных нор у меня есть, заложим радиоуправляемую взрывчатку и вернемся, думаю, что много времени процедура у нас не займет, так что часа через четыре жди нас обратно. Не скучай и береги рацию, скоро она нам очень даже пригодится! Все понял?

– Что-то эти развалины не внушают мне никакого доверия. Смотри, такое впечатление, что здесь камни не только в уступе цоколя, а везде едва держатся в пазах.

– Тем лучше! Когда рванем, желтозадые точно не выберутся на свежий воздух и сдохнут от удушья с разинутыми ртами. Все выходы завалит на века!

Я промолчал, потому что не мог с ним нормально разговаривать, все буквально закипало во мне, когда я начинал что-то ему говорить, понимая, что в ответ будет лишь одно сплошное неприятие и колкое подтрунивание. Нехорошее ощущение!

Через некоторое время после ухода ребят своды подземелья содрогнулись так, как будто началось землетрясение, однако в следующий миг все стихло, и воцарилась звенящая тишина. Я оцепенел, не зная, что думать.

Они устроили взрыв? Вряд ли! Заложив взрывчатку, они должны были возвратиться, после чего нам всем следовало убраться отсюда, прежде чем подорвать радиоуправляемый заряд. Нет, нет, скорее всего, это либо неосторожное обращение со взрывчаткой, либо...

Радист так побледнел, что белый овал его лица проступил в полумраке. Я рванул вниз по каким-то ужасным ступеням, уходящим в мрачный подземный коридор, и через несколько минут стремительного движения наткнулся на густое облако ржавой пыли.

Горло стал драть мерзкий кашель. Посветив фонариком сквозь зловещее желтое марево, я не увидел ничего, кроме груды огромных кубических строительных камней. Коридор был завален намертво, и вдруг из-за камней до моих ушей донеслись вначале едва различимые, а затем все более отчетливые душераздирающие стоны.

Дикое безумие овладело мною! Я скреб камни ногтями и грыз их зубами, однако все было бесполезно, мне не удалось не то что проход пробить, даже просто сдвинуть хоть одну глыбу с места. Радист, наконец-то придя в себя, пришел мне на помощь, однако вдвоем мы тоже не смогли ничего сделать.

Слушать жалобные стенания моих умирающих товарищей было выше моих сил, потому что я не мог им ничем помочь. Последняя капля переполнила чашу, когда я различил голос Нудса, он плакал, как женщина, тонко, навзрыд и с тяжелыми горестными вздохами.

Как пробка из бутылки я вылетел на свежий воздух. Не знаю сколько времени я как потерянный бродил среди развалин, и слезы ручьем текли из глаз.

Придя немного в себя, я принялся искать какой-нибудь инструмент, – кирку, лом, мотыгу или хотя бы железный прут, но ничего не нашел. Кругом были лишь одни изъеденные мхом камни, а между ними высокие плотные заросли из цепких колючек. Пару раз черными кольцами клубились потревоженные змеи.

Не выдержав, я встал посреди унылых развалин и истошно завопил, потому что сил держать все это в себе просто не было.

– Какой ты там бог, христианский, буддистский или еще какой, смотри, смотри, что происходит! Разве так должно быть? Кто тебе молится и зачем?!

В ответ вдруг раздалось странное эхо, и я сразу умолк. Оно исходило откуда-то сверху. С неба?.. Мне сделалось жутко.

В полном изнеможении я побрел по камням, не зная, что думать и что делать, и вдруг наткнулся на какие-то чрезвычайно узкие крепко истертые ступени. Я машинально зашагал по ним вверх. Радист последовал за мной.

Когда мы поднялись, то к своему изумлению обнаружили в верхнем помещении огромный выпцветший от времени буддистский латунный колокол. Он мирно висел на внушительной дубовой балке и по форме напоминал увеличенную в несколько тысяч раз аптечную склянку. Так вот кто ответил мне эхом!

Канат, тянувшийся внутрь колокола, давно истлел, и радист ударил по сиротливо торчавшему языку прикладом винтовки. Язык качнулся, но не достал стенки. Радист снова ударил, на этот раз с еще большей силой, и пронзительный густой звук вдруг в один миг заполнил все окружающее пространство, надавил на перепонки и, кажется, проник своей чарующей вибрацией до самого сердца.

Радист бил в колокол, пока не устал. Обессиленный, он упал на пол, а я в отчаянии, сам не зная, зачем, тоже стал бить в колокол и бил до тех пор, пока не оступился на выбоине и тоже не упал на пол ничком, а колокольный звон еще долго вибрировал над нами.

Не знаю, как радист, а я лежал в странном пугающем забытии, когда кажется, что сердце остановилось, и ты смотришь на себя со стороны. Очнулся я от того, что снаружи до моих ушей донеслись тихие встревоженные голоса. Они не произносили слова, а мелодично мяукали.

– Ай у до, ай да сай, нуй мы о до?

Приказав радисту лежать на полу, я приподнялся и, оставаясь в тени напротив узкого пролома в стене, двигаясь то влево, то вправо, нашел, наконец, нужный ракурс и обомлел, увидев в щель, что происходит снаружи. Внизу на груде каменных обломков, почти со всех сторон окруженных плотными колючками, стояли местные жители – мужчины и женщины разных возрастов. Несомненно, они пришли на звук колокола, но откуда они взялись, черт побери, если в округе нет ни одной хижины?

Кажется, они непрерывно спрашивали друг друга, что случилось. Вьетнамского языка я не знал, просто догадался по интонации. Чтобы не пугать их, я снял с себя всю амуницию, приказал радисту сторожить рацию и оружие, с колокольной не отлучаться и в эфир без моей команды не выходить, а сам спустился вниз.

Толпа вьетнамских крестьян не знала ни одного английского слова, и я знаками пригласил ее следовать за мной. Двинуться следом решились немногие, а те, кто решился скоро оказались вместе со мной в роковом подземелье и услышали душераздирающие человеческие стоны, раздававшиеся из глубины завала. С каждой минутой они становились все тише и тише.

– Надо разобрать камни, понимаете? Надо разобрать проклятые камни и спасти людей. Помогите мне, так вашу!..

Я схватился голыми руками за одну из глыб, но она даже не шелохнулась, и я в полном отчаянии сел на холодные каменные плиты. Самый пожилой крестьянин сразу все понял и отправил куда-то двух смысленных юрких парней.

Через несколько минут они вернулись с ломиками и кирками в руках. Оказалось, что жители живут неподалеку в землянках и частенько навдываются сюда, колют обвалившиеся глыбы и используют камень для своих нужд. Чтобы каждый раз не таскать с собой тяжелые инструменты, они оборудовали в развалинах удобную нишу и держали кирки и ломы в ней, а я это укромное место не заметил.

Огоньком свечи в моем сердце затеплилась надежда! Получается, я был прав, полагая, что не все местные селения могут быть обозначены на наших картах.

Весь день и всю ночь я вместе с вьетнамскими мужчинами ворочал камни, долбил их и разбивал на куски, а женщины складывали обломки в большие плетеные корзины и выносили наверх. Наверное, старик быстро смекнул, что из этого свежего завала они легко наберут столько превосходно сохранившегося камня, что смогут сделать свою деревню белокаменной, поэтому так быстро и без всяких уговоров согласился помочь. Когда у моего фонаря сел аккумулятор, вьетнамцы притащили огромную размером с канистру масляную лампу, она горела ровно и ярко, мало в чем уступая моему суперсовременному канадскому фонарю.

Под утро мы, наконец, пробили брешь, но помощь пришла слишком поздно. Нудс и еще несколько моих боевых товарищей, которые не попали под смертоносный обвал и чудом уцелели, умерли от удушья.

Они лежали друг на друге вповалку и, словно большие рыбы, выброшенные на берег, страшно выпучили глаза и жутко разинули рты. Это зрелище я помню настолько отчетливо, как будто только вчера закончилась та кошмарная вьетнамская ночь.

Как мы ни старались, как ни бились, пройти по коридору дальше нам не удалось. Обвалившиеся камни лежали тяжело и неподвижно, и ничего их не брало, – ни лом, ни кирка.

Старик показал жестом, что все бесполезно, своды едва держатся, здесь из местных никто не ходит, – опасно, и стал что-то деловито сооружать из каменных обломков. Оказалось, что склеп. Я помог ему, и скоро все было готово. Мы сложили тела внутрь, а затем накрыли проем обломками каменных плит, которыми изобиловало это жуткое подземелье.

Я впал в ступор, как будто вместе с жизнью товарищей из меня ушла моя собственная жизнь. Кажется, я что-то говорил и плакал, склонившись над импровизированной могильной плитой, а когда пришел, наконец, в себя, никого рядом с собой не обнаружил. Старик и его односельчане исчезли, словно растворились, и унесли с собой все корзины с камнями.

Я невольно поежился, вспомнив висевшее на суку тело. Если эти вьетнамские крестьяне связаны с партизанами, а покойный Нудс был убежден, что они все с ними связаны, то, похоже, нас с радистом ожидает незавидная участь.

Глава четвертая

Весь покрытый пылью, страшный, голодный и уставший, я поднялся на колокольню. Джунгли окрасились в алый цвет утренней зари, я разбудил радиста, он спал как младенец, тихо посапывая и причмокивая, словно во сне сосал соску. Вот так он охранял рацию и оружие, пока я надрывался внизу!

– В эфир не выходил?

– Нет, сэр.

– Точно?

– Говорю вам, сэр! Если бы я даже вышел в эфир, то все равно не смог бы ничего передать, я не знаю условный шифр на эвакуацию нашей группы.

Я снисходительно похлопал его по плечу.

– Эх, парень! Если бы люди, подталкиваемые страхом, не делали глупостей, то мы давно жили бы в раю.

– Говорю вам, сэр...

– Ладно, ладно, верю.

– Что с ребятами, сэр?

– Они все погибли.

У радиста вытянулось лицо.

– Как так, сэр?

– Надеюсь, ты не будешь распускать нюни? Нам с тобой следует срочно убираться отсюда.

– Известие ужасное, сержант, сэр, но я не буду плакать, обещаю, сэр.

– Хорошо, включай рацию, выходи на волну.

Он, кусая губы от волнения, надел наушники, включил рацию и нашел нашу волну.

– Позывной, сэр?

– Джерри.

– Пароль?

– Орлы гибнут в вышине.

– Есть, сэр, передаю, сэр!

Сверившись по карте, я указал координаты, он принялся отстукивать буквы и цифры в эфир, и вдруг дрогнул всем телом, уронил голову и завалился набок, а снаружи щелкнул звук винтовочного выстрела. Пуля, похоже, влетела сквозь проем в полуразрушенной стене колокольни и попала ему в голову. Я инстинктивно подался в угол, там светлел узкий оконный проем, и в эту секунду вторая пуля, противно взвизгнув, чиркнула по каменной кладке и тупым мощным ударом в грудь опрокинула меня навзничь. Сокрушительный удар оглушил, но сознание я не потерял, и увидел, как третья пуля точно угодила в корпус рации, и она, жалобно пискнув, вышла из строя. Стреляли с возвышенного места, иначе стрелок просто не смог бы увидеть нас в проломе стены.

Я подобрался к радисту и нашупал его пульс. Он был мертв.

Выглянуть в боковое окно и определить, что единственной подходящей точкой для огня могло служить лишь дерево с густой кроной, возвышавшееся над колючками в ста шагах от храма, было делом нескольких секунд. Плотные заросли помогли подобраться скрытно, и когда сверху посыпалась древесная труха, я понял, что мой человек спускается вниз.

Вместо матерого и вооруженного до зубов вьетконговца, которого я ожидал увидеть, на землю прыгнул тот самый вьетнамский парнишка, который стрелял в Нудса и едва не застрелил меня, а затем ловко ускользнул по подземному ходу, оборудованному под бутфорским очагом хижины. Все стало на свои места, – в руках мой парень сжимал пропавшую два дня назад нашу снайперскую винтовку.

От неожиданности рука моя дрогнула, и мой армейский нож вонзился не в шею противника, а в мягкий и податливый древесный ствол. Мальчик вцепился зубами в мое предплечье, но все было тщетно, – не прошло и половины минуты, как юный партизан сидел у моих ног с кистями, стянутыми за спиной рукавами его собственной куртки.

Он рычал, словно звереныш, угодивший в западню, и снова попытался укусить меня, на этот раз в ногу, но я вовремя подался в сторону, и его белоснежные зубы, словно клыки молодого, но чрезвычайно злобного волчонка, щелкнули в воздухе. Минуту он бился в жутких конвульсиях, а потом вдруг затих, как видно, смирившись со своей участью.

– Дай воды, много дай, – неожиданно сказал он по-английски с сильным акцентом.

– Ты знаешь английский? – сказал я, когда он жадно осушил мою походную фляжку.

– По-английски я не очень, а по-французски хорошо. Кто приходит нас обижать, тех язык мы знаем.

– Как тебя зовут?

– Ван Тхо.

– Где ты учился?

– Я и сейчас учусь!

– Не может быть! Откуда в этой глуши школа? Здесь одни джунгли и болота.

– Есть школа, есть, а больше я ничего не скажу. Теперь убивай меня!

– Зачем мне тебя убивать, это ты только что убил американского солдата.

– Это мой седьмой, а ты нет, ты ушел. Вот за это убивай, убивай!

Эти слова он произнес с таким холодным спокойствием, что я невольно содрогнулся. Неужели мне в самом деле предстоит исполнить приговор по законам военного времени?

Я знал, как происходят подобные вещи, поскольку неоднократно видел, как они происходили у моих боевых товарищей. Что-то щелкает в мозгу, и человек больше себя не контролирует, он просто убивает другого человека, как будто в другом человеке сосредоточилась вся причина его горестей и бед, и неважно, кто перед тобой, – ребенок, старик или женщина.

Теперь я боялся, что на меня вот-вот накатит такая же зверская волна! Умом я понимал, что никогда не убью ребенка, даже если он враг, встреченный на поле боя с оружием в руках, просто не смогу и все, но если вдруг накатит, ум не поможет, он трусливо закроет глаза и ничего не предотвратит.

Вот чего в тот момент я по-настоящему опасался. Это было сродни сумасшествию, и этого сумасшествия я боялся. Как не сойти с ума, когда кругом одно лишь безумие, – главный спутник любой настоящей войны, так и осталось для меня с тех пор неразрешимой загадкой.

Стрелял этот ершистый паренек метко, и винтовку держал так, словно познакомился с ней еще в колыбели. Кому-то погремушки и соска, а кому-то – снайперская винтовка. Каково?

Надо было что-то решать, время тянуть было нельзя, однако я все-таки не мог поверить, что этот шустрый пацаненок на самом деле убивал американских солдат и не далее, как несколько минут назад убил моего радиста. Скорее всего, это обыкновенная мальчишеская бравада. Здесь в зарослях наверняка скрывается еще кто-то, и этот кто-то, похоже, опытный взрослый боец.

Я снял с груди свой походный альбомчик с коллекционными монетами. С ним я никогда не расставался, и сегодня он спас мне жизнь.

Я открыл альбом перед глазами своего юного пленника. Он равнодушно взглянул на отчеканенные американские доллары и британские фунты стерлингов, но когда заметил, что одна из монет имеет характерное аккуратное ровное отверстие размером с треть дюйма, в его темных бесстрастных зрачках вдруг заплескали искорки.

Я перевернул лист, и на следующей странице мы тоже увидели, что одна из монет продырявлена, словно сверлом просверлена. Я открыл последний лист, здесь пуля не смогла про-

биться к моему телу, она прочно застряла в центовой монете с изображением профиля Авраама Линкольна.

– Жаль, эта монета была на пути к твоему плохому сердцу, – хрипло сказал мальчуган.

Он уставился на меня с такой недетской ненавистью, что мне, бывалому солдату, не раз глядевшему прямо в глаза своих заклятых врагов, стало не по себе. Я не выдержал и отвел взгляд в сторону.

– Откуда у тебя личный жетон американского солдата Джеральда Хоупа?

– Говорю, убил, а следующий ты.

В этот миг, словно в подтверждение его слов, где-то неподалеку хрустнула ветка, и легкий холодок как будто от крыльев бабочки затрепетал у меня в животе. Кажется, пришли по мою душу! Следовало срочно уходить, болтаться на суку на своих собственных кишках мне почему-то не хотелось, но я не мог уйти просто так, ничего не ответив этому дерзкому вьетнамскому пацану.

Подхватив винтовку, я приблизил свои глаза к его каменному лицу. Теперь я не сомневался, что этот мальчик действительно является самым настоящим, оголтелым и непримиримым врагом. Он смотрел на меня так, словно выбирал лишь момент, чтобы мертвой хваткой вцепиться в мое горло зубами.

Я попытался говорить спокойно.

– Пойми, не я начал эту войну, я всего лишь исполняю приказ.

Мальчик презрительно сплюнул сквозь зубы, едва не угодив мне в губы.

– Я много видел плохих американцев. Они все исполняли приказ. Они как звери. Почему? Вы – не люди, нет, и вы не имеете будущего!

– Ты повторяешь слова родителей. Ты еще маленький, вырастешь, сам поймешь, почему все так происходит.

Он вдруг смягчился.

– Ты уходишь?

– Да.

– Ты, кажется, не такой как другие американцы.

– Приятно слышать.

– Я знаю, что ты ищешь, и я покажу тебе вход в Крысиные норы.

– О, это очень хорошо, и это очень важно! Пойми, если эти проклятые партизанские норы будут уничтожены, все местные жители вздохнут, наконец, свободно, и тогда больше никто не будет жечь их деревни.

– Хорошо, но ты подаришь мне свои интересные монеты и пулю на память.

– Считаю, что монеты и пуля теперь твои.

– Дай!

– Вот, возьми, только руки я тебе пока развязывать не буду, договорились?

– Да.

Я засунул свою коллекцию ему за пазуху, и он повел меня по джунглям, однако тот треск сучка, который я уловил во время нашего разговора, не давал мне покоя. Мальчик уверенно шел вперед, переходя с одной звериной тропы на другую, но очень скоро я заметил, что мы бредем по кругу. Подозрения мои усилились, и я незаметно стал отставать от него.

Он обернулся.

– Эй, хороший американец, где ты? Осталось немного!

– Я по нужде, подожди минуту!

Лучший способ спрятаться, – замереть под самым носом тех, кто тебя преследует. Шумно пройдя по чаще десятков шагов, я круто изменил направление, следующие двадцать шагов прошел совершенно бесшумно и у самой кромки густых колючек обнаружил то, что нужно, –

огромное старое бревно, совершенно трухлявое, однако с хорошо сохранившейся прочной и толстой корой.

Спугнув с насиженного места то ли змею, то ли большую худую ящерицу, в полумраке под сенью густой листвы было не разобрать, да и не до того было, я без труда влез в довольно просторное нутро и затаился. Отсюда мне был хорошо виден мой юный партизан, он вернулся к тому месту, где потерял меня и теперь озирался по сторонам.

Ждать пришлось недолго. Буквально через минуту на фоне густых зарослей проступили миниатюрные, но довольно грозные мужские тени, они попали в луч, проникший сквозь листья, и я увидел, что бойцы вооружены до зубов и превосходно экипированы.

Один из них, стройный, подвижный, без советской армейской панамы, какие были на головах его спутников, и с заметной издали прядью седых волос на черной как смоль аккуратно подстриженной шевелюре кинулся к моему провожатому. Его товарищи хищно повели в стороны автоматами Калашникова, выискивая цель. Я хорошо видел их сквозь овальный проем в своем укрытии, а они меня не могли видеть, потому что свет не проникал внутрь полого ствола.

Вьетконговец с проседью, кажется, был старшим. Он разрезал советским штык-ножом путы, стягивавшие кисти мальчика, и со слезами на глазах прижал его лицо к своей узкой как у подростка груди. Он что-то нежно говорил ему, а мальчик вначале кивал, а затем резко вскинул голову и кивнул в ту сторону, куда я ушел якобы по нужде.

Вьетконговец коротко махнул рукой, и его бойцы полупрозрачными тенями бесшумно двинулись в указанном направлении. Вслед за ними осторожно двинулись командир и, как я понял, его сын, настолько тепло он относился к этому вихрастому сметливому мальчугану.

Оставив винтовку, я тихонько выбрался из своего убежища и кошкой взобрался на дерево, то самое, с которого мой юный партизан застрелил из винтовки нашего радиста. Вряд ли они догадаются, что я прячусь там, откуда только что спустился их мальчик.

Каким наивным я был! Не прошло и пяти минут, как на дерево стал взбираться угрюмый вьетконговец с широким приплюснутым носом, и мне пришлось метнуть в него нож. Только сейчас, обозревая местность с высоты, я заметил, что окрестности разрушенного храма буквально кишат партизанами! Пробиваться с боем было равносильно самоубийству. У меня остался только один путь – разрушенный храм.

Спустившись с дерева, я выдернул свой армейский нож из горла вьетконговца и, прикрываясь зарослями колючек, кинулся ко входу в подземелье, однако меня заметили и стали стрелять. Теперь действие напоминало охоту на загнанного кабана. Одна из пуль задела мне плечо прежде, чем я успел нырнуть в подземелье, но рана оказалась неопасной.

Я хорошо помнил, что помимо того тоннеля, где погибли мои товарищи, был еще один очень низкий и узкий похожий на коллектор коридор, он уходил в противоположном направлении. Интересно, куда он вел?

Без труда найдя его, я, пригибаясь, потому что своды стали резко понижаться, побежал в темноту, и бежал довольно долго. В конце концов, я оказался в круглом словно огромная бочка и низком помещении, посередине которого, как показала зажженная мною спичка, когда-то было что-то вроде бассейна или отстойника, а теперь этот бывший бассейн завалило обломками каменных плит.

Простукивание ничего не дало, стук везде был глухим, и это не предвещало ничего хорошего. Я оказался в западне. Давила на голову не только близость врагов, но также ужасная духота. В этом закутке в буквальном смысле было практически нечем дышать.

Послышался грохот каблуков, он гулким эхом разносился по подземелью. Затем раздались мяукающие голоса моих преследователей, тонкие лучики карманных фонариков взрезали темноту и стали метаться по шершавым каменным сводам тоннеля. Враги приближались.

Я сел на какой-то обломок и вытер ладонью противный липкий пот со лба. Теперь мне оставалось как можно дороже продать свою жизнь. Для этого я специально хранил в своем ранце мину типа Claymore, она позволяла устроить направленный взрыв. Специалисты-взрывотехники знают, что это такое. Если говорить коротко, обычная взрывная волна расходится в разные стороны, а при направленном взрыве она бьет в заданном направлении. Я намеревался использовать Claymore, и пусть теперь кому-нибудь повезет!

Когда луч вражеского фонаря ударил мне прямо в лицо, я нажал на кнопку. Рвануло так, что подземелье содрогнулось, и я мгновенно потерял сознание.

Сколько времени я пребывал в забытии, не могу сказать. Очнулся от лучика света, который падал сверху прямо мне на глаза.

Придя в себя, я обнаружил, что мои уши покрыла короста запекшейся крови, мои враги завалены в коридоре обвалившимся каменным сводом, а над моей головой камни осыпались и образовалась щель. Не знаю, каким чудом, ободрав все плечи и искромсав в кровь все ногти на руках, мне все-таки удалось выбраться наружу и вдохнуть полной грудью живительный свежий воздух.

Осмотревшись, я с удивлением обнаружил, что развалины храма остались далеко в стороне. С того места, где я очутился, даже высокая колокольная не была видна, а передо мной раскинулось узкое длинное озеро, которое на наших армейских картах почему-то обозначалось как непроходимое болото.

Глава пятая

Времени, оказывается, прошло не так много, как я предполагал, солнце поднялось еще совсем невысоко, и по контрастным оттенкам теней мне не составило особого труда различить затаившиеся в засаде партизанские дозоры, причем каждый состоял из двух бойцов. Один дозор, как я сразу заметил, прятался под банановыми листьями, но плохо походил на гроздь бананов, другой двумя ящерицами прижимался к узловатым корневищам деревьев, но характерные высокие мушки автоматов Калашникова выдавали, третий не очень удачно изображал из себя пару мохнатых кочек. Судя по всему, они еще не знают, что произошло, и ждут меня с другой стороны, однако в любую секунду ситуация может круто измениться.

Держась тени зарослей, я выбрался на пологий песчаный пляж. У меня оставался единственный путь для отступления – безмятежная гладь озера, однако просто взять и пуститься вплавь было рискованно, меня могли заметить, а превращаться в буюк в тире, оборудованном для стрельбы по водным мишеням, мне, естественно, не очень хотелось.

Пройдя сотню шагов у самой кромки воды, я заметил массивный кусок сухого суковатого ствола, его вынесло на песок, и тихие озерные волны лениво ворочали его с боку на бок. Длинной он был футов семь, и это меня вполне устраивало.

Через несколько минут толстое, но удивительно плавучее бревно мирно плыло по воде, словно не человеческие руки направляли его далеко от берега, а своенравное течение и свежий восточный ветерок. Между его сучьев якобы случайно застрял ворох сухих листьев, на самом деле это был прикрытый листьями узел, в который я стянул свою одежду и амуницию. Поперек ствола якобы прилепился приличный ком грязи с густым пучком полусохшей травы, а на самом деле это была измазанная илом моя каска, она по-прежнему сидела у меня на голове. Тело я густо обмазал жирной тиной, чтобы оно не демаскировало своей белизной.

Мои преследователи, кажется, ничего не заподозрили, и я благополучно отплыл далеко от берега, здесь бревно в самом деле подхватило течение, и теперь оставалось только расслабиться, наслаждаясь неожиданным водным путешествием. Гладь озера выглядела великолепно, в нем словно в огромном волшебном зеркале отражалось небо и прибрежные холмы, они напоминали хребет сказочного дракона, густо покрытый зеленой щетиной. Кое-где встречались небольшие песчаные пляжи.

Проплыв довольно долго, я почувствовал озноб и решил, что пора поворачивать к берегу. Заманчивые пологие пляжи не подходили для высадки, они слишком хорошо просматривались. Наконец, бревно подплыло к густым зарослям осоки. Продравшись сквозь них, я оказался в уютной заводи с чистым песчаным берегом, сплошь покрытым плотным кустарником, который чуть дальше переходил в густой лес. Бревно заскрипело по песку, и я поднялся из воды, весь черный и страшный, словно потревоженный дух озера.

Однако искупаться, выйти на сушу и одеться я не успел, совсем близко тревожно крикнула дикая утка и просвистела крыльями над самой моей головой. Очевидно, что сюда кто-то шел, и этот кто-то скорее всего был человеком.

Удивительно устроена жизнь! Находясь в глуши, где любая мошка, любая стоячая вода, любая нора или густой кустарник грозят болезнью или смертью, потому как для диких зверей, сидящих в засаде, и бактерий, кишящих в воде, человек всего лишь добыча, я должен был бояться вовсе не их, а своего собрата по крови. Вот когда я буквально кожей ощутил смысл древней латинской поговорки: «*Homo homini lupus est*» [«Человек человеку волк»], которую со слов моей мамы любил повторять мой безвременно скончавшийся дед, в начале двадцатого века переселившийся в Канаду из России.

Едва я успел снова прильнуть к спасительному бревну, как в пяти шагах от меня на берег бесшумно вышла красивая вьетнамская девушка! Она была с роскошными распущенными длинными волосами, и с первого взгляда поражала своим видом в самое сердце.

Незнакомка была в одной нижней сорочке розового цвета, в чем я убедился через некоторое время, когда она, искупавшись, неторопливо вышла на берег. Мокрая сорочка прилипла, и голое тело просвечивало сквозь нее.

До этого я по своему опыту, почерпнутому в Сайгоне, полагал, что все вьетнамские молодые женщины маленькие, не очень выразительные, все без исключения брюнетки, кожа у них смуглая, а лицо несколько грубоватое. Эта вьетнамская девушка своей внешностью мигом разбила все стереотипы. Она скинула с себя мокрую рубашу и стояла передо мной, в чем мать родила, собирая на затылке в узел мокрые волосы.

Очаровательная незнакомка была шатенкой с пронзительными темными глазами, лицо ее было настолько чистым, что его можно было сравнить только с луной в полнолуние, а восхитительная светлая кожа казалась еще белее на фоне темной воды. Высокая грудь и четко очерченная талия делали из нее богиню, а крутые бедра и длинные стройные ноги просто сводили с ума. Я впился зубами в свой древесный ствол, чтобы не застонать от истомы, которую в одно мгновение пробудила во мне эта обнаженная вьетнамская фея.

Теперь я боялся одного, – ненароком привлечь ее внимание, и ни жив ни мертв неподвижно лежал в обнимку с бревном. Никто из местных жителей не должен был знать, что я здесь. Наученный горьким опытом я опасался любого вьетнамского крестьянина.

Однако это было еще не все. В следующую минуту у меня по-настоящему перехватило дыхание. Я пытался отвести глаза в сторону и не мог.

То нагибаясь, то приседая, прелестная незнакомка стала собирать цветные камушки. Набрав горсть, она зажала их между ладонями и потрясла несколько раз, что-то нежно шепча своими коралловыми губами, затем засмеялась восхитительным грудным смехом и вдруг швырнула камни в мою сторону, хорошо, что они были небольшими. Одни упали в воду, а другие влипли в ил на моей каске, едва не угодив в лицо. Постояв на свежем ветру, она дала телу высохнуть, накинула на себя запасную сухую сорочку, вдела изящные ступни в шлепанцы, и исчезла в чаще, словно растворилась.

Она явно жила где-то неподалеку. Может быть, мне удастся найти у нее лодку и переправиться на ту сторону озера? Там было намного безопаснее, и я мог легко пробраться к своим.

Я обмотал ноги сухими листьями, стянул их осокой и в одну минуту соорудил себе импровизированную обувь. Этому трюку, а еще умению выживать в лесу, я научился у индейцев, на стоянке которых часто зависал в детстве, живя на канадской границе с моими родителями-охотоведами. Одеваться было некогда, я боялся упустить ее, поэтому в каске с пучком травы наверху и совершенно голый, но густо обмазанный черным илом, я кинулся вслед за девушкой.

Каково же было мое разочарование, когда я, продравшись сквозь густые заросли и оцарапавшись в кровь, нигде не обнаружил ее. Она как будто растаяла в воздухе, словно в самом деле была лесной феей, а не простой обитательницей какой-нибудь рыбацкой хижины.

Выжить в джунглях без спичек и запасов продовольствия не было для меня проблемой. Дело было совсем в другом.

Когда я, потеряв след прекрасной незнакомки, вернулся к заводу, чтобы избавиться, наконец, от облика дикаря, искупаться и облачиться в форму, своего узла я не обнаружил. Бревно по-прежнему лежало на отмели, а моей формы и ранца с вещами в том месте между сучьев, где я узлом закрепил их, не было. Со мной остался лишь мой армейский нож, который я, к счастью, успел прихватить с собой, кинувшись вслед за девушкой. Имея нож, я мог соорудить себе какое-нибудь временное жильё и смастерить что-нибудь вроде бредня для ловли рыбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.